

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ*

© 2001 г. Н. М. Лебедева

Доктор психол. наук, вед. науч. сотр. Ин-та этнологии и антропологии РАН, Москва

Анализируются результаты эмпирического исследования ценностей двух групп русских (учителей и студентов) на индивидуальном уровне с помощью методики С. Шварца. Проводятся сравнения наиболее предпочитаемых ценностей разными поколениями респондентов. Выявляются особенности ценностно-мотивационной структуры личности в русской культуре. Дается интерпретация выделенных эмпирически мотивационных типов: *Пассионарность* и *Добротолюбие*. Выдвигаются гипотезы о компенсаторной природе взаимодействия ценностей индивидуального и культурного уровней и о роли механизмов социально-психологической защиты базовых ценностей культуры в условиях социальной нестабильности. Исследование в целом подтверждает универсальность теоретической модели типов мотивации С. Шварца и пригодность его методов изучения ценностей для выявления культурной специфики.

Ключевые слова: кросс-культурная психология, этнопсихология, ценности, мотивация, базовый тип личности, национальный характер, пассионарность, добротолюбие.

ЦЕННОСТИ В КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В последнее время в отечественной науке усилился интерес к проблемам личности, формированию ее самосознания и к одной из наиболее значимых ее характеристик – ценностям и ценностным ориентациям.

Категорию ценности оправданно считают одной из самых сложных в психологии, поскольку она является одновременно как мотивационным, так и когнитивным образованием [1, 5, 8]. Ценности детерминируют процесс познания человеком социального мира и в то же время осуществляют психическую регуляцию поведения человека в социальной среде. Иными словами, ценности, организуемое ими познание и мотивируемое ими поведение, задают важнейшие смыслы человеческой жизнедеятельности, и в этом качестве они могут иметь как универсальную, так и культурно-специфическую природу.

В зарубежной кросс-культурной психологии основополагающей для многих теоретических и эмпирических исследований ценностей является теория Ф. Клакхона и Ф. Стробека [11]. Согласно их определению, ценностные ориентации – это *сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем*. Их теория

ценностных ориентаций основана на трех положениях:

1. Люди во всех культурах призваны решать одни и те же общие человеческие проблемы.
2. Набор доступных решений ограничен, но каждое решение в той или иной культуре может иметь разный ранг внутри данного набора.
3. Хотя одно из решений предпочитается членами данной культуры больше других, все потенциальные решения имеются в каждой культуре.

Авторы выделяют пять основных общечеловеческих проблем, которые решаются в рамках каждой культуры на основе ее базовых ценностей: отношение к человеческой природе; отношение человека к природе и сверхъестественному миру; отношение человека ко времени; направленность человеческой деятельности; отношение человека к другим людям.

Американский психолог Д. Матсумото определил культуру как совокупность установок, ценностей, верований и поведения, разделяемых группой людей, но по-разному каждым индивидом, и передаваемых от поколения к поколению [7].

Это определение относится к внутреннему содержанию группового и индивидуального сознания. Культурно-обусловленное поведение может быть зафиксировано в ритуалах (общих, автоматических способах поведения), которые являются результатом разделения группой людей общих культурных ценностей, норм поведения и общения. Культура влияет на поведение и общение не прямо, а *опосредованно* – через ценности, нормы,

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 00-06-00106а).

роли, социальные когнитивные и аффективные процессы, обычаи и т.д.

Культурное разнообразие оказывает влияние на отбор информации в процессе общения, выбор мотивационных стратегий, стили урегулирования конфликтов, на личность, ее социальные отношения, самовосприятие, аффекты (эмоции и чувства) и навыки взаимодействия с другими. Особое значение в этом ряду имеют *ценности* культуры, важнейшие и глубинные принципы, определяющие отношения человека с природой, социумом, ближайшим окружением и самим собой. Если вы хотите понять культуру, к которой принадлежите, или с которой прямо или косвенно вступаете во взаимодействие, прежде всего стоит попытаться понять ее базовые ценности: это прямой путь к пониманию скрытых мотивов и смысла человеческого поведения, в том числе и своего собственного [7].

Разработка любых проблем в области социально-психологических закономерностей формирования и функционирования нормативно-ценностных систем личности и группы возможна лишь на основе обширных, валидных, достоверных эмпирических исследований ценностей как смысловых образований, которые наиболее полно отражают сложность содержания и функционирования категории "ценность", и в то же время требует адекватного инструмента для их изучения. До сих пор признанными методиками диагностики ценностей являлись тест ценностных предпочтений Г. Олпорта, Ф. Вернона, Г. Линдзеля, методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича. Сейчас все большую популярность в кросс-культурной психологии приобретает теоретический и эмпирический подход С. Шварца [8, 6, 13, 15, 16].

Кросс-культурные исследования ценностей проходят на двух различных уровнях анализа: индивидуальном и культурном. На уровне индивида ценности понимаются как основа мотивов, которыми люди руководствуются в своей жизни [12, 15, 16]. Отношения между различными ценностями отражают *психологическую* динамику конфликта и согласия, переживаемую людьми в процессе ежедневной актуализации своих ценностей. Например, людям сложно одновременно стремиться к власти и к подчинению, но одновременное стремление к власти и богатству не вызывает явного внутреннего конфликта.

Отношения между различными ценностями на культурном уровне отражают *социальную* динамику конфликта и согласия, возникающую в результате стремления социальных групп и институтов к своим целям. Эти отношения не обязательно те же самые, что и на индивидуальном уровне. Например, несмотря на то, что одновременные акценты на власти и подчинении несо-

вместимы на индивидуальном уровне, как было замечено выше, они совместимы на уровне социальных групп внутри одной и той же культуры. Социальная система будет более согласованной, если люди рассматривают власть как желательную основу для организации человеческих отношений, а подчиненные как соответствующее поведение по отношению к тем, кто облечен властью.

Поскольку отношения между ценностными предпочтениями на этих двух уровнях могут различаться, внутренние измерения, организующие ценности, также могут быть разными.

Для понимания природы ценностей на индивидуальном уровне (функций ценностей, их взаимосвязей в структуре личности) С. Шварц и В. Билски разработали теоретическую концепцию, в которой ценности рассматриваются как некие (часто неосознаваемые) критерии выбора и оценки человеком своих поступков, а также оценки других людей и событий [15, 16].

Из трех универсальных человеческих потребностей (биологических нужд, согласованного социального поведения, выживания и благосостояния своей группы) Шварц и Билски выводят основные типы человеческой мотивации (всего ими было выделено 10 типов). Они, по мнению авторов, и определяют направленность как конкретных действий индивида, так и всей его жизненной активности.

Каждому типу мотивации соответствует своя ведущая мотивационная цель (МЦ):

1. **Саморегуляция.** МЦ – свобода мысли и действия (выбор, творчество, познание), обусловленные потребностью индивида быть автономным и независимым.

2. **Стимулирование.** МЦ – новизна и состоятельность в жизни (полнота жизненных ощущений), необходимые для поддержания оптимального уровня активности организма.

3. **Гедонизм.** МЦ – удовольствие, чувственное наслаждение, наслаждение жизнью. В основе его лежит необходимость удовлетворения биологических потребностей и испытываемое при этом удовольствие.

4. **Достижение.** МЦ – достижение личного успеха в рамках разделяемых культурных стандартов и, вследствие этого, получение социального одобрения.

5. **Власть.** МЦ – достижение социального статуса, престижа и влияния на других людей. В основе – потребность в доминировании, господстве, лидерстве.

6. **Безопасность.** МЦ – стабильность, безопасность и гармония общества, семьи и самого индивида. В основе – потребность в адаптированности

и предсказуемости мира, снижении неопределенности.

7. Конформность. МЦ – ограничение действий и побуждений, причиняющих вред другим или нарушающих социальную гармонию. Выводится из потребности групп – в самосохранении и выживании и потребности личности гармонично взаимодействовать с другими людьми, подавляя при этом свои социально-разрушительные наклонности.

8. Традиция. МЦ – уважение и поддержание обычаев, принятие и признание идей, существующих в определенной культуре и религии. Традиционное поведение становится символом солидарности группы, выражением уникальности ее картины мира.

9. Благожелательность. МЦ – поддержание и повышение благополучия людей, с которыми человек находится в контакте. В основе лежит потребность позитивного взаимодействия в целях благополучия группы и индивидуальная потребность в аффилиации.

10. Универсализм. МЦ – понимание, благодарность, терпимость и поддержание благополучия всех людей и природы. Этот мотивационный тип не был выведен априори из трех указанных универсальных человеческих потребностей, а обнаружен эмпирическим путем при исследованиях ценностей. В основе этой цели, по-видимому, лежат универсальные потребности в красоте, гармонии и справедливости.

Помимо этого, Шварц и Билски разработали теорию динамических отношений между данными ведущими типами человеческой мотивации. Логика отношений между ценностями выводится авторами из отношений между мотивами поведения и соответствующими им поступками. Каждый тип мотивации имеет цель, руководящую стремлениями человека, которые, в свою очередь, приводят к согласованным или противоречивым действиям. Таким образом, конфликт или гармония между ценностями определяют, в конечном счете, стратегию его поведения.

Авторы предложили следующую типологию противоречий между ценностями:

I) Ценности *сохранения* (Безопасность, Конформность, Традиция) противоречат ценностям *изменения* (Стимулирование, Саморегуляция).

Здесь налицо явная оппозиция между ценностью автономии взглядов и действий индивида и ценностью сохранения традиций, поддержания стабильности общества.

II) Ценности *самопреодоления* – выхода за пределы собственного Эго (Универсализм, Благожелательность) – противоречат ценностям *самовышшения* – акцентировании “самости” (Власть, Достижение, Гедонизм).

Здесь также налицо явная оппозиция между заботой о благе других и стремлением к доминированию над другими.

В непротиворечивых отношениях между собой, по мнению авторов, находятся следующие типы мотиваций:

- **Власть и Достижение** – оба мотивационных типа делают акцент на социальном превосходстве и уважении со стороны других людей.

- **Достижение и Гедонизм** – нацелены на получение удовольствия, потакание самому себе.

- **Гедонизм и Стимулирование** – вызывают стремление к позитивному эмоциональному переживанию.

- **Стимулирование и Саморегуляция** – активизируют внутреннюю мотивацию творчества, стремление к новизне и изменению.

- **Саморегуляция и Универсализм** – делают акцент на возможности справедливого для всех и комфортного для себя существования в различных ситуациях.

- **Универсализм и Благожелательность** – способствуют удовлетворению потребностей, связанных с существованием во внешнем мире, отказу от эгоистических интересов.

- **Традиция и Конформность** – подчеркивают возможность сохранения стабильности за счет добровольного самоограничения и подчинения.

- **Конформность и Безопасность** – предполагают защиту порядка, стабильности и социальной гармонии.

- **Безопасность и Власть** – ставят акцент на избегание или преодоление неопределенности и нестабильности путем контроля за природными ресурсами и человеческими отношениями.

Общая динамическая структура отношений между типами ценностей представлена на рис. 1.

Как считают авторы, расположенные на рис. 1 рядом сегменты круга (типы ценностей или мотиваций) являются наиболее совместимыми. Увеличение расстояния по окружности между ценностными типами показывает уменьшение согласованности и увеличение конфликта.

Помимо описанных выше, Шварц и Билски предложили еще одно деление ценностей на две большие группы:

1. *Ценности, выражающие интересы индивида.* Им соответствуют следующие мотивационные блоки: **Власть, Достижение, Гедонизм, Стимулирование, Саморегуляция.**

2. *Ценности, выражающие интересы группы.* К ним принадлежат такие мотивационные блоки, как **Благожелательность, Традиция, Конформность.**

Существуют еще два мотивационных блока – **Универсализм** и **Безопасность**, которые выражают как индивидуальные, так и групповые интересы.

Для проверки теоретических выводов Шварцем были предприняты эмпирические исследования, проведенные первоначально в 20-и, а в последующем – в 48-и различных странах [15, 16]. При этом учитывались различные факторы, максимально отличающие выборки друг от друга: язык, культура, религиозная принадлежность, географическое расположение. Таким образом, Шварц и Билски хотели проверить универсальность или особенность типов ценностей, а также непосредственно самих ценностей в зависимости от культурных и демографических характеристик респондентов. Выборки были сформированы, в основном из преподавателей школ и студентов университетов, как социальных групп, отражающих тенденции стабильности и изменчивости ценностей в культуре. Все полученные результаты обрабатывались с помощью коэффициента корреляции Пирсона, а также с использованием метода “Анализ наименьшего пространства” (SSA) Гутмана–Лингоуса. Эмпирически полученная структура мотивационных типов была идентична гипотетической за исключением “сегмента”, содержащего типы ценностей “конформность” и “традиция” (в первоначальном теоретическом варианте эти типы находились в совместной области, а в результате исследования Шварц и Билски развели их).

Весь ряд гипотез относительно *динамических отношений* конфликта и совместимости между типами ценностей был охвачен круговым расположением типов ценностей, представленных на рис. 1. Исходя из этого, авторы предположили, что сравнение для каждой выборки расположения типов ценностей, наблюдаемое в “анализе наименьшего пространства”, с идеальным расположением может обеспечить полную оценку согласия между эмпирическими данными и теорией.

В результате эмпирических исследований были доказаны универсальность структуры ценностных типов и их расположение относительно друг друга (практически в 90% выборок они были идентичны). Данные не подтвердили идею, что существуют дополнительные универсальные мотивационные типы ценностей, все еще не охваченные теорией. Этот вывод был сделан на основе результатов, полученных на различных выборках, где психологи, проводившие опрос, добавляли специфические ценности, важные, по их мнению, в данных культурах. Когда же эти новые ценности были включены в “анализ наименьшего пространства”, области, представляющие новые типы ценностей, не появились. Вместо этого добавленные ценности появились в областях, соответствующих определенным Шварцем и Билски

Рис. 1. Динамическая структура мотивационных блоков (по Шварцу и Билски).

ценностным типам. Например, “воздержание” – в Конформности или Традиции; “национальное самоопределение” – в Безопасности или Традиции.

Таким образом, в эмпирических исследованиях разных культур было подтверждено, что люди в большинстве культур безоговорочно различают десять типов ценностей в качестве руководящих принципов своей жизни, т.е. эти типы ценностей могут считаться универсальными. В то же время сам Шварц признает, что в некоторых случаях эмпирическая структура ценностей может иметь расхождение с “идеальной”: это может быть связано с особыми социальными условиями жизни респондентов [15, 16].

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ

В рамках исследовательского проекта РГНФ “Преемственность и изменчивость базовых ценностей русской культуры (социально-психологический и индивидуально-личностный уровни анализа)” было проведено исследование ценностных приоритетов русских на индивидуальном и групповом уровнях с последующим сравнением взаимодействия и взаимообусловленности ценностных ориентаций личности и базовых ценностей культуры. Результаты исследования ценностей на групповом уровне представлены в статье “Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века” [6]. В данной работе представлены резуль-

Таблица 1. Средние значения по мотивационным типам

Мотивационный тип	Общая выборка	Выборка студентов	Выборка учителей
Универсализм	2.68	3.08	2.27
Благожелательность	2.01	2.22	1.79
Традиция	3.66	4.1	3.22
Конформность	3.03	3.56	2.5
Безопасность	2.28	2.53	2.02
Власть	3.75	3.27	4.23
Достижение	3.1	2.59	3.61
Гедонизм	3.52	2.83	4.21
Стимулирование	3.45	2.8	4.1
Саморегуляция	2.4	2.25	2.55

таты исследования ценностей на индивидуальном уровне.

Целями эмпирического исследования являлись: проверка тезиса об универсальности мотивационных блоков на индивидуальном уровне для русской культуры и выявление специфики ценностно-мотивационной структуры личности в русской культуре.

В задачи исследования входило:

а) выявление ценностно-мотивационной структуры индивидов, принадлежащих к русской культуре;

б) сравнение полученных данных с исследованием на групповом уровне;

в) анализ полученных мотивационных блоков и сравнение теоретической модели мотивационных блоков Шварца и Билски со структурой мотивационных блоков, выявленных в нашем исследовании.

Выдвинуты следующие гипотезы:

- Универсальность мотивационных блоков скорее всего подтвердится и в русской культуре.

- Наряду с этим могут выявиться типы мотиваций, которые по своей структуре отличаются от теоретической модели опросника Шварца.

- Эти отличия не являются случайными и объясняются особенностями данной этнической культуры и социального опыта респондентов.

МЕТОДИКА

В исследовании нами в качестве методики был использован опросник Шварца для изучения ценностей на индивидуальном уровне. Валидизация методики Шварца была проведена с помощью частичной адаптации: осуществлен двойной перевод утверждений, переводы составлялись между собой. После согласования перевода со Шварцем

составлен окончательный вариант опросника на русском языке.

Опросник содержит 29 утверждений, каждое из которых относится к тому или иному мотивационному типу, например, отношение респондента к ценностям **Универсализма** выявляется с помощью ответа на утверждения такого типа: "Он считает важным одинаковое отношение ко всем людям. Он хочет справедливости для каждого, даже для тех, с кем незнаком". К каждому мотивационному типу относится от 2 до 4 утверждений.

Для подсчета результатов используется симметричная шестибалльная шкала от "очень похож на меня" до "совсем не похож на меня". Результат подсчитывается путем вычисления среднего балла как для мотивационного типа отдельного человека с дальнейшим построением личностного мотивационного профиля, так и для вычисления значимости конкретного мотивационного типа для группы людей, принадлежащих к одной культуре.

Результаты опроса обрабатывались с помощью факторного и корреляционного анализов и общей статистики (пакет STATISTICA 5.0)¹. Дополнительный анализ результатов по нашей просьбе был проведен ассистентами С. Шварца в Иерусалимском университете с помощью метода "Анализ наименьшего пространства" (SSA).

Объект исследования – 210 жителей г. Пензы: 99 учителей (1949–1957 гг. рождения) и 111 студентов (1978–1981 гг. рождения)².

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Мы сгруппировали отдельные ценности в блоки мотиваций согласно теоретической модели Шварца и Билски и подсчитали средние значения по типам мотиваций для общей и отдельных выборок (см. табл. 1).

В общей выборке учителей и студентов наиболее значимыми мотивационными типами являются **Власть** (3.75), **Традиция** (3.66), **Гедонизм** (3.52) и, соответственно, наименее выраженные типы мотивации – **Благожелательность** (2.01) и **Безопасность** (2.28) (в скобках указаны средние баллы по выборке).

Наиболее значимыми типами мотивации в структуре индивидуальных ценностей студентов являются **Традиция** (4.1), **Комформность** (3.56) и **Власть** (3.27), а наименее весомыми – **Благожелательность** (2.22) и **Саморегуляция** (2.25). У учителей наиболее значимы: **Власть** (4.23), **Гедонизм**

¹ Автор благодарит за помощь в проведении опроса в г. Пензе доцента Пензенского технического университета О.В. Чернову.

² В обработке и интерпретации результатов исследования активное участие принимала дипломница психологического фак-та ГУГН Н.М. Полянская, которой автор выражает искреннюю признательность.

(4.21), **Стимулирование** (4.10), а наименее – **Благожелательность** (1.79) и **Безопасность** (2.02).

Эти данные интересно сравнить с результатами нашего исследования ценностей на уровне культуры, проведенными с помощью основного опросника Шварца, включающего 57 ценностей [6].

Анализ наиболее предпочитаемых ценностей в том исследовании показал, что в обеих группах (учителей и студентов) выделился блок повторяющихся, неизменных ценностей (*защита семьи, здоровье, настоящая дружба, верность, интеллект, смысл жизни, внутренняя гармония*). Их можно отнести к базовым ценностям русской культуры, транслирующимся из поколения в поколение. Наряду с этим были выделены ценности, которые более предпочитаемы одной из групп и не встречаются в списке приоритетных в другой. Так, группа учителей предпочитала *мир на земле, ответственность, социальный порядок, национальная безопасность, честность, уважение старших*. В группе студентов более предпочитаемыми оказались *самоуважение, независимость, достижение успеха, свобода, зрелая любовь, выбор собственных целей*. Нетрудно заметить, что эти два блока ценностей отличаются тем, что в группе учителей доминируют ценности коллективистской направленности, служащие установлению и поддержанию группового единства и групповой гармонии (по Шварцу, **Консерватизм** и **Равноправие**). Для студентов, напротив, более значимы были ценности индивидуалистической направленности, служащие личностному росту и развитию (по Шварцу, это: **Мастерство**, **Автономия** и **Равноправие**) [6].

Если сравнить данные, полученные в результате исследования с помощью опросников измерения ценностей на индивидуальном и культурном уровнях в группах учителей и студентов, можно увидеть, что приоритетные ценности на разных уровнях измерения диаметрально противоположны: на индивидуальном уровне учителя предпочитают ценности **Власти**, **Гедонизма** и **Стимулирования** (т.е. выражающие интересы индивида), а на культурном – ценности **Консерватизма** и **Равноправия** (служащие групповой гармонии).

У студентов – абсолютно противоположная картина: на индивидуальном уровне они предпочитают ценности **Традиции** и **Конформности** (служащие интересам группы), а на культурном – ценности **Мастерства** и **Автономии** (выражающие интересы индивида). Чем можно объяснить эти различия?

На наш взгляд, выбор учителями на индивидуальном уровне ценностей, служащих самовозвышению и усилению Я-идентичности, можно объяснить тем, что в нестабильных социальных условиях именно личностная идентичность становится

ведущей и определяющей в адаптации человека к изменившейся реальности [8] – т.е. на индивидуальном уровне социальная нестабильность (и усиливающийся момент состязательности) способствует активизации индивидуальных целей и потребностей – личного продвижения, успеха, благосостояния. Идеалом же культуры, социума для более старших поколений по-прежнему является стабильность, определенность, отсюда предпочтение ценностей **Консерватизма** и **Равноправия** на групповом, культурном уровне.

У молодого поколения другая картина мира: их не устраивает стабильный и неизменный социум, им нужны условия для соревновательности и личного достижения (ценности **Мастерства** и **Автономии** на культурном уровне), т.е. общество, по их мнению, должно поощрять индивидуальные усилия, а на уровне своих индивидуальных потребностей они нуждаются в сохранении традиции и подчинения своих интересов интересам выживания своей группы, сохранения ее уникальности.

Получается, что у старшего поколения актуализированы и интериоризованы (переведены на индивидуальный уровень) ценности, служащие интересам индивида, а у молодого поколения – ценности, служащие интересам выживания группы. Старшие стремятся к акцентированию в себе индивидуально-личностного начала, а молодые – коллективного, группового. Это неудивительно, если вспомнить историю времен “застоя” (время формирования старшего поколения, когда от личности, индивида мало что зависело и мало что требовалось) и “постперестроичных” лет, формировавших поколение студентов, (когда индивидуальные усилия могли значительно изменить жизненную ситуацию). Похоже, что ценности индивидуального уровня компенсируют и компенсируются ценностями группового (культурного) уровня.

Кроме того, для объяснения полученных расхождений можно выдвинуть следующую гипотезу: когда культура переживает значительные социальные изменения, в действие могут вступать механизмы социально-психологической защиты культуры от разрушения – сохранения уникальности и неизменности ее базовых ценностей. Возможно, этим объясняется акцентирование и перевод базовых ценностей русской культуры на личностно-индивидуальный уровень у молодого поколения – т.е. эти ценности переживаются молодыми людьми как личностно значимые. Вероятно, перевод этих ценностей на индивидуальный уровень обеспечивает их лучшую сохранность в будущем.

Далее, в нашем предыдущем исследовании на уровне культуры было выявлено, что два первых и самых мощных фактора, определяющих семантическое пространство ценностно-мотивацион-

Таблица 2. Результаты факторного анализа (по общей выборке студентов и учителей)

Факторы	Тип мотивации	Факторная нагрузка
1	+ Безопасность	0.79
	Благожелательность	0.62
	Универсализм	0.63
2	+ Гедонизм (0.54)	0.70
		0.65
	Стимуляция (0.52)	0.71
3	+ Традиция	0.52
	Конформность	0.71
4	+ Саморегуляция	0.41
		0.71
5	+ Достижение	0.40
		0.73
6	+ Власть	0.70
	Достижение	0.51
7	+ Конформность	0.35
		0.32
		0.22

ной структуры обеих групп респондентов (учителей и студентов), это **Культура и Эгоцентризм** [6]. Отличия заключались в том, что культура для студентов – это внешнее и нормативное понятие, а для учителей – интериоризованное и обогащенное личностным смыслом, близкое к понятию **Универсализм** на индивидуальном уровне. В целом же структура ценностей русских укладыва-

лась в классическую схему Шварца, где одна из осей имеет два полюса: *акцент на других – акцент на себе (самопреодоление – самовозвышение)*.

Интересно было выявить: что же скрывается на индивидуальном уровне под понятиями **Культуры и Эгоцентризма**?

Нами были проведены корреляционный, факторный и структурный анализы данных результатов исследования. В результате факторного анализа, проведенного путем вращения корреляционной матрицы по типу *varimax*, выделили семь факторов:

1-й – вес 4.55 (15.7% дисперсии) включил в себя ценности **Универсализма, Безопасности и Благожелательности**.

2-й – вес 4.18 (14.4%) – **Гедонизма и Стимулирования**.

3-й – вес 1,63 (5.6%) – **Традиции и Конформности**.

4-й – вес 1.53 (5.3%) – **Саморегуляции**.

5-й – вес 1.43 (4.9%) – **Достижения**.

6-й – вес 1.39 (4.6%) – **Благожелательности и Стимулирования**.

7-й – вес 1.51 (5.2%) – **Конформности**.

Содержания факторов и весовые нагрузки представлены в табл. 2.

Результаты факторного анализа, корреляционного анализа переменных внутри каждого фактора и данные структурного анализа с использованием метода “Анализ наименьшего пространства” (SSA) Гутмана–Лингоуса позволяют построить следующую структуру динамических отношений типов мотивации в русской культуре на индивидуальном уровне (см. рис. 2).

Итак, выделились следующие классические мотивационные блоки – **Достижение, Власть, Конформность, Традиция, Саморегуляция** и два блока, отличающихся от теоретической модели: **Стимулирование + Гедонизм; Универсализм + Благожелательность + Безопасность**. Рассмотрим эти мотивационные блоки ближе.

Мотивационная цель блока **Гедонизм** обозначается Шварцем как удовольствие, чувственное наслаждение. Этот мотивационный тип выделен из необходимости удовлетворения биологических потребностей и испытываемого при этом удовольствия. Мотивационная цель блока **Стимулирование** определяется как новизна и состоятельность в жизни, необходимые для поддержания оптимального уровня активности организма. При слиянии этих мотивационных типов в один мотивационную цель нового блока можно определить как переживание удовольствия от новизны и состоятельности для поддержания оптимального уровня активности организма.

Рис. 2. Структура динамических отношений типов мотивации индивида в русской культуре.

Что это означает применительно к русскому человеку, его образу жизни в этом мире? Это тяга к риску, азарт и бесшабашность, страсть первопроходца, надежна на удачу при отсутствии всяких шансов. Это любовь к переменам, поиск нового, приключений.

Есть еще одно выразительное русское слово, близкое по смыслу к этому состоянию – “забубенность”.

Это и хорошо знакомое со школы: “И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закрутиться, загуляться, сказать иногда: “черт побери все!”, – его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое?...” [3, с. 537–538]. Это и знаменитое русское “авось”, т.е. надежда на то, что “пронесет, вынесет”, на нечто, находящееся за пределами разума и расчета. Это и беззаветная отвага русского солдата, и любовь русского человека к крайностям, и страстная энергия русского таланта.

Эта и тяга к спиртному, в которой заключена психологическая потребность активации наслаждения жизнью, затухающего в череде будней. И. Бунин в “Жизни Арсеньева” вспоминает, как его отец, орловский помещик говаривал после двух-трех рюмок водки: “Нет, отлично! Люблю выпить! Замолаживает!” Слово “замолаживает” употреблялось когда-то на винокурнях, выпивший человек хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нем совершается некое сладкое брожение, некое освобождение от рассудка, будничной скованности и упорядоченности. Мужики так и говорили про водку: “Как можно! От ней в человеке развязка делается!”. Знаменитое “Руси есть веселие пити” вовсе не так просто, как кажется. Не родственно ли с этим “веселием” и юродство, и бродяжничество, и радения, и самосжигания, и всяческие бунты – и даже та изумительная изобразительность, словесная чувственность, которой так славна русская литература?” [2, с. 73].

В самой сути своей этот мотивационный блок выражает потребность каких-то благих перемен, потребность чуда, жажду праздника. Об этом опять-таки лучше всего сказал Бунин: “Ах, эта вечная русская потребность праздника! Как чувственны мы, как жаждем упоения жизнью, – не просто наслаждения, а именно упоения, – как тянет нас к непрестанному хмелю, к запою, как скучны нам будни и планомерный труд!” А далее идут очень важные слова, объясняющие деятельность, вызываемую такого типа мотивацией: “Россия в мои годы (рубеж XIX и XX веков – Н.Л.) жила жизнью необыкновенно широкой и деятельной, число людей работающих, здоровых, крепких все возрастало в ней. Однако разве не исконная мечта о молочных реках, о воле без удер-

жу, о празднике была одной из главнейших причин русской революционности? И что такое русский протестант, бунтовщик, революционер, всегда до нелепости отрешенный от действительности и ее презирующий, ни в малейшей мере не желающий подчиниться рассудку, расчету, деятельности невидной, неспешной, серой? Как! Служить в канцелярии губернатора, вносить в общественное дело какую-то жалкую лепту! Да ни за что – “карету мне, карету” [2, с. 72].

Узнаете, читатель? Оказывается, это все сидит в нас, определяет наши поступки и даже нашу историю. Судя по этой страсти, брожению, неуспокоенности, жажде упоения и саморасточительности мы народ еще молодой, себя не берегущий. Этот мотивационный блок мы назвали *Пассионарность*.

Следующий новый мотивационный блок очень необычен. Здесь соединились **Безопасность, Благожелательность и Универсализм**. Мотивационной целью **Безопасности** является стабильность, безопасность и гармония общества, семьи и самого индивида. **Благожелательность** преследует цель поддержания и повышения благополучия людей, с которыми человек находится в постоянном контакте и поддерживает личные отношения. **Универсализм** имеет своей целью понимание, признательность, терпимость и поддержание благополучия всех людей и породы, или альтруизм. Получается, что наши респонденты стремятся к поддержанию благополучия и стабильности общества, природы, семьи и своего внутреннего Я, а средством для достижения этого в их картине мира является понимание, признательность и терпимость. Таким образом, суть ведущего типа мотивации индивида в русской культуре можно выразить так: для достижения общего блага (а это, несомненно, высшая цель) необходимо стремиться понимать других, ограничивать и смирять себя, от этого будет хорошо всем – и ближним, и дальним. То есть гармония и благополучие общества и любимых людей строится на нашем доброделии и самоограничении. И это понимается как высший закон устроения мира, и в этом – принятие и оправдание добра как основы мироздания. Мир без добра – неправильный, ненастоящий. Это – основа основ русского мировоззрения и русского национального характера.

Вот как пишет об этом русский этнограф М.М. Громыко: “Исключительно широкое и устойчивое распространение среди русских имели взгляды и поступки, связанные с состраданием, сочувствием, оказанием помощи в самых разнообразных ее видах. Это была целая система воззрений, основанных на евангельских идеях любви к ближнему и помощи ему; бескорыстной отдачи просящему больше, чем он просит; самоотверженной готовности положить жизнь за други

своя. Это – система взглядов, но в то же время – это и черта национального характера: **органичная потребность делать добро** (выделено мной – Н.Л.), столь естественная, что не воспринимается ни дающим, ни принимающим как что-то особенное, а зачастую даже не бывает замечена [4, с. 183]. Более того, особенно почиталась среди верующих русских людей “тайная милостыня”: “лучше всего делать это незаметно, безымянно, чтобы тот, кому оказывается милость, не мог поблагодарить, не знал бы своего благодетеля, иначе это доброе дело может не быть зачтено человеку на небе, так как он получил уже награду на земле” [4, с. 191].

Оказывается, обычай “тайной милостыни” не ушел до конца из русской жизни и сегодня. Согласно записям этнографа Л.А. Тульцевой, сделанным в Рязанской области, старики отмечали, что тайную милостыню некоторые люди делают и до сих пор, хотя как общее правило отмечали: “сейчас не как раньше: сейчас мы дадим да похвалимся. А хвалиться нельзя. Раньше часто приносили тайную милостыню” [4, с. 192]. Но что особенно интересно, ценность этого тайного (значит, особенно чистого, бескорыстного доброделания) старики передавали как главный наказ своим детям. Так, по данным Л.А. Тульцевой, жительница одной из деревень Рязанщины цитировала совет своей матери: “Девки! Не копите, не копите ничего, – все прах. Делайте тайные милостыньки!” [4, с. 193].

Доброта русского народа, по мнению Н.О. Лосского, высказывается и в отсутствии злопамятности. “Русские люди”, по словам Достоевского, “долго и серьезно ненавидеть не умеют” [9]. Отсюда органичное неприятие русским человеком мести, что часто рождает непонимание и даже презрение со стороны многих народов, у которых месть обидчику является важной частью обычного (т.е. основанного на обычаях) права. В основе этого неприятия мести лежит отношение простого народа к преступникам как к “несчастливым” и стремление облегчить их участь, хотя при этом есть осознание того, что преступник заслуживает наказания. “Без всяких философских теорий народ сердцем чувствует, что преступление есть следствие существовавшей уже раньше порчи в душе человека, и преступный акт есть яркое обнаружение вовне этой порчи, само по себе уже представляющее кару за внутреннее **отступление от добра** (выделено мной – Н.Л.)” [9, с. 5]. Доброту русских солдат по отношению к неприятелю не раз отмечали и иностранцы [там же].

По мнению Лосского, “доброта – одно из основных свойств русского народа; поэтому даже и бесчеловечный режим советской власти не искоренил ее. Об этом свидетельствуют иностранцы, наблюдавшие жизнь в СССР. Австрийский немец

О. Бергер, бывший в России в плену в 1944–1949 гг., написал книгу “Народ, разучившийся улыбаться”. Он говорит, что живя вблизи Можайска, пленные поняли “какой особый народ русский. Все рабочие, а особенно женщины относились к нам, как к несчастным, нуждающимся в помощи и покровительстве. Иногда женщины забирали нашу одежду, наше белье и возвращали все это выглаженным, выстиранным, починенным. Самое удивительное было в том, что сами русские жили в чудовищной нужде, которая должна была бы убивать в них желание помогать нам, их вчерашним врагам” [9, с. 6].

Особенность доброты русского человека в том, что она чужда сентиментальности, т.е. наслаждения своим чувством и фарисейства, это “жизнь по сердцу”, подлинное, сердечное отношение к другому человеку. Как пишет Лосский, “жизнь по сердцу” создает открытость души русского человека и легкость общения с людьми, простоту общения, без условностей, без внешней привитой вежливости, но с теми достоинствами вежливости, которые вытекают из чуткой естественной деликатности. “Жизнь по сердцу”, а не по правилам выражается в индивидуальном отношении к личности всякого другого человека. Отсюда в русской философии интерес к конкретной этике в противовес законнической этике. Примером может служить “Оправдание добра” Вл. Соловьева, книга Вышеславцева “Этика Фихте”, Бердяева “Назначение человека”, Лосского “Условия абсолютного добра” [9, с. 6–7].

Этот фактор мы называли *Добротолюбие*. По смыслу он, как нам кажется, близок к знаменитой, подмеченной Достоевским у Пушкина “всемирной отзывчивости” русских. Стержень этого добротолюбия, его живая, питающая сила, – конечно же, православие.

Итак, исследование выявило как универсальность основных блоков мотивации на индивидуальном уровне, постулированную Шварцем, так и некую специфичность, зависящую от особенностей этнической культуры и социального опыта.

Пространство мотивации русского человека, по данным нашего исследования, зиждется на двух мощных основаниях: любви к добру, стремлении делать добро и тяге к риску, загулу, безудержной вольнице. Свойственная русским любовь к добру, всеотзывчивость, базирующиеся, в первую очередь, на православии, – это семантическое наполнение фактора **Культура**, выявленного в нашем предыдущем исследовании [6], а пассионарность, безудержная потребность праздника – это содержание фактора **Эгоцентризм**.

Пассионарность и *Добротолюбие* находятся на противоположных концах основной оси структуры динамических отношений блоков: ценности, выражающие интересы индивида – ценности,

выражающие интересы группы. Таким образом, получается, что поиск новизны и состязательности в жизни для удовлетворения биологических потребностей и переживаемого при этом удовольствия несовместимы с поддержанием и повышением стабильности, безопасности и благополучия своего собственного, своей семьи, общества и природы. И русское *Добротолубие* – это выработанная православной культурой узда (очень мягкая и любящая!) на русскую *Пассионарность*, не будь которой, русский человек разрушил бы вокруг себя все, а самого себя – в первую очередь. Так человеческая культура ограничивает и одновременно спасает человеческую природу.

Все остальные динамические отношения между мотивационными типами в основном согласуются с теоретической моделью. Согласно схеме (рис. 2), ценности *сохранения* (*Добротолубие*, **Конформность**, **Традиция**) противоположны ценностям *изменения* (**Саморегуляция**, **Пассионарность**). Ценности *самопреодоления* (*Добротолубие*) противоположны ценностям *самовозвышения* (**Власть**, **Достижение**, **Пассионарность**).

Основная ось динамических отношений мотивационных блоков, как уже говорилось выше: ценности, выражающие интересы индивида – ценности, выражающие интересы группы. У нас к ценностям, выражающим интересы индивида, относятся следующие мотивационные типы – **Власть**, **Достижение**, **Пассионарность**, **Саморегуляция**, – что не противоречит структуре теоретических динамических отношений блоков. Соответственно, к ценностям, выражающим интересы группы, относятся *Добротолубие*, **Традиция**, **Конформность**, и это также не противоречит теоретической структуре.

Итак, в результате нашего исследования, мы получили мотивационные типы, несколько отличающиеся от теоретической модели и условно названные *Пассионарность* и *Добротолубие*. Их появление можно объяснить влиянием этнической культуры и социального опыта наших респондентов. Возможность появления специфических типов мотивации под влиянием особенностей социального опыта не исключали, как мы уже говорили, и сами авторы теоретической модели. Для нас же особый интерес этой работы и состоял в выявлении специфики ценностно-мотивационной структуры индивида в русской культуре.

ВЫВОДЫ

Результаты нашего исследования ценностей русской культуры на индивидуальном уровне позволяют сделать следующие выводы:

1. Сравнение ценностей индивидуального и группового уровней в обеих группах респондентов (учителей и студентов) показало их диаметрально

противоположность: на индивидуальном уровне учителя предпочитают ценности, выражающие интересы индивида, а на культурном – ценности, служащие групповой гармонии; студенты же на индивидуальном уровне предпочитают ценности, выражающие интересы группы, а на культурном – интересы индивида.

2. Это можно объяснить тем, что в нестабильных социальных условиях именно личностная идентичность становится ведущей и определяющей в адаптации человека к изменившейся реальности [8]. Ценностями индивидуального уровня для более старшего поколения являются ценности изменения, а для более молодого – ценности сохранения; на групповом уровне, наоборот, для старшего поколения особую ценность приобретает стабильность и неизменность, а для молодого – динамичность и изменчивость. Возможно, ценности индивидуального и группового (культурного) уровней находятся в отношениях взаимной компенсации.

3. В процессе глубинных социальных изменений в действие могут вступать механизмы социально-психологической защиты культуры от разрушения – защиты уникальности и неизменности ее базовых ценностей. Возможно, этим объясняется акцентирование и перевод базовых ценностей русской культуры на личностно-индивидуальный уровень у молодого поколения, т.е. эти ценности переживаются молодыми людьми как личностно значимые. Вероятно, перевод этих ценностей на индивидуальный уровень обеспечивает их лучшую сохранность в будущем.

4. В ходе исследования в основном подтвердилась универсальность мотивационных блоков, предложенных Шварцем, что еще раз подтверждает высокую валидность теоретической модели ценностей на индивидуальном уровне.

5. Наряду с этим были получены специфические мотивационные блоки, отличающиеся от теоретической структуры. Первый блок соединил в себе классические мотивационные типы – Гедонизм и Стимулирование – и получил условное название *Пассионарность* (мотивационная цель этого блока: переживание удовольствия от новизны и состязательности для поддержания оптимального уровня активности организма). Второй блок соединил в себе классические типы мотивации – Благожелательность, Безопасность и Универсализм, – получив название *Добротолубие* (мотивационная цель этого блока: самоограничение и делание добра ради безопасности и благополучия ближних и дальних).

6. Данное исследование позволило приблизиться к пониманию специфики ценностно-мотивационной структуры личности в русской культуре, отличающей ее от аналогичных структур в иных культурах. Это позволяет считать метод ис-

следования ценностей Шварца пригодным для выявления не только культурной универсальности, но и культурной специфичности.

Итак, в нашей работе была рассмотрена одна из важнейших проблем кросс-культурной психологии: познание уникальной специфики этнических культур. Мы попытались подойти к данной проблеме с помощью категории "ценности". Для решения этой задачи нами была использована теоретико-методологическая модель Шварца. Эмпирические исследования ценностей на индивидуальном и культурном уровнях показало их независимость друг от друга, в основе которой лежит скрытая дихотомия личности и общества. Возможно, эти уровни взаимодействуют на основе принципа дополнительности.

В задачу наших будущих исследований ценностей русской культуры входит изучение взаимодействия и взаимовлияния ценностей группового (культурного) и индивидуального уровней, способного дать ответ на столь же вечные, сколь и трудно разрешимые пока вопросы: в какой мере общественное устройство зависит от базового типа личности в культуре, каким образом и для чего культура воспроизводит этот базовый тип личности? Прерывается ли связь времен? И в чем смысл уникальности и культурного разнообразия?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М. 1997.
2. Бунин И.А. "Жизнь Арсеньева" // Собр. соч. Т. 5. М.: "Художественная литература", 1988.
3. Гоголь Н.В. Мертвые души // Избр. соч. М.: "Художественная литература", 1987.
4. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Изд-во Паломник, 2000.
5. Донцов А.И. О ценностных отношениях личности // Советская педагогика. 1974. № 5. С.67–76.
6. Лебедева Н.М. Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века // Психол. журн. Т. 21. № 3. 2000. С. 73–87.
7. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Изд-во Ключ-С, 1999.
8. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психол. журн. 1999. Т. 20. № 3.
9. Лосский Н.О. Характер русского народа. Берлин: Посев, 1957.
10. Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы (методические аспекты) // Вопросы психологии. 1999. № 3.
11. Kluckhohn C., Strodtbeck F.L. Variations in value orientations. Evanston, IL: Row Peterson, 1961.
12. Rokeach M. The nature of human values. New York, 1973.
13. Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. Ed. M.P. Zanna. Advances in experimental social psychology, Orlando, FL: Academic, 1992. V. 25. P. 1–65.
14. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // J. of Social Issues, 1994. V. 50. P. 19–45.
15. Schwartz S.H., Bilsky W. Towards a psychological structure of human values // J. of Personality and Social Psychology. 1987. V. 53. P. 550–562.
16. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal structure and content of values: Extensions and cross-cultural replications // J. of Personality and Social Psychology. 1990. V. 58. P. 878–891.
17. Triandis H.C. Culture and Social Behavior. New York: McGraw-Hill, Inc., 1994.

VALUE-MOTIVATIONAL STRUCTURE OF PERSONALITY IN THE RUSSIAN CULTURE

N. M. Lebedeva

Dr. sci. (psychology), leading res. ass., Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow

The results of the empirical research of individual values in two groups of Russian Ss (students and teachers) by Schwartz method are analyzed. The most preferred values of different generations are compared. The peculiarities of the value-motivational structure of personality in the Russian culture are revealed. There are interpreted distinguished empirically motivational types such as "Passionarity" and "Benevolence". Two hypotheses are advanced: (1) – about compensatory nature of individual and cultural values interaction; (2) – about the role of social-psychological mechanisms of basic cultural values defense in unstable social conditions. Overall, the research proves the universal character of Schwartz theoretical model of motivational types and adequacy of his methods to study values for cultural specificity revealing.

Key words: cross-culture psychology, ethnopsychology, values, motivation, basic type of personality, national character, passionarity, benevolence.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ И ОСЕТИН (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАСПОР КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

© 2001 г. Т. А. Ратанова*, А. А. Шогенов**

*Доктор психол. наук, профессор, зав. каф. психологии Гос. открытого пед. ун-та, Москва

**Канд. психол. наук, начальник Департамента образования, Нальчик

Сравнивали психологические особенности и характер проявления этнического самосознания молодого поколения (17–25 лет) горских евреев и осетин, проживающих в диаспорах Кабардино-Балкарии. С помощью опросников, анкетирования, беседы, наблюдения и др., а также математико-статистических методов обработки данных изучали структуру и проявления этносамосознания двух групп диаспор. Формирование этнического самосознания прослеживали, анализируя: данные этнической самоидентификации; представление об этноинтегрирующих и этнодифференцирующих признаках, о так называемом “национальном характере”, переживании своего “Я” и актуализации самоотношения; этнические стереотипы; стремление соответствовать определенному стандарту; знание родного языка; интерес к истории своего народа. Сделан вывод о том, что этнодифференцирующими и этноинтегрирующими признаками еврейской и осетинской этнических групп являются: общее историческое прошлое, родной язык, культурные традиции, обычаи, верования, родственные связи, черты характера, особенности поведения, внешний облик. Установлено, что национальность отца, матери (в большинстве случаев у горских евреев), собственные пожелания, принятый в семье язык, место проживания проявляется в этнической самоидентификации. Историко-культурная самобытность изученных народов определяет специфику их этнического самосознания, при этом у горских евреев в большей мере сохраняется своеобразие психологии по сравнению с осетинами, которым свойственна интернациональная и ассимилятивная ориентация.

Ключевые слова: этническое сознание, этническая самоидентификация, этнодифференцирующие и этноинтегрирующие признаки, этнические авто- и гетеростереотипы.

Экономические, социально-политические, культурологические, демографические и другие процессы, происходящие в настоящее время в нашем полиэтническом обществе, во многом объясняются подъемом национального самосознания всех народов, населяющих Россию.

Этническое самосознание является одним из значимых признаков народности и существенных факторов, оказывающих воздействие на национальные процессы, обуславливая вектор развития общества, наполняя его содержательными компонентами. Следовательно, уровень этнического самосознания отдельной личности и этноса в целом в значительной степени определяет социально-политическую и психологическую атмосферу многонационального общества.

Недооценка национальных факторов развития, характерная для истории советского государства, привела к тому, что общественная мысль оказалась не в состоянии дать ответы на сложные вопросы, возникающие в сфере межнациональных отношений; предвидеть коллизии, проявляющиеся на этнической почве, корректировать и прогнозировать государственную национальную

политику в соответствии с требованиями времени и жизни. Национальная политика должна строиться не по принципу “снятия” уже имеющихся противоречий и негативных явлений, а на основе умения их предвидеть и создавать механизмы, которые исключили бы национальную напряженность и конфликты.

Развернувшиеся в ряде государств СНГ, в том числе и в Российской Федерации, мощные национальные движения обрели неоднозначную этнополитическую и этнокультурную окраску, являясь, с одной стороны, выражением роста этнического самосознания, а с другой – в определенной мере катализатором национального недовольства.

На фоне заметного роста этнических факторов прослеживается тенденция к усилению этнического самосознания. Самосознание – это осознание, оценка человеком самого себя, своего мировоззрения, целей, интересов и мотивов поведения, т.е. целостная оценка своего “Я”. Природа самосознания социально обусловлена, оно есть мера и исходный пункт отношения человека к самому себе. Этническое самосознание – это осознание представителями этноса своей принадлежности к не-